

МАЙКЛ ТЕРРИ

ПРОКЛЯТИЕ

16+

Майкл Терри

Проклятие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64090862

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98288-8

Аннотация

Прошлое семьи Вудвард хранит страшную тайну, виновники которой давным-давно унесли ее с собой в могилу. Но Патрисии Софт, приехавшей навестить дядюшку, которого она не видела ни разу в жизни, не остается ничего другого, как попытаться раскрыть эту тайну, ведь на кон поставлена ее собственная жизнь.

Содержание

Пролог	4
1. Рассказ Патрисии	11
2. Рассказ Оби	45
3. Рассказ Марты	55
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Майкл Терри

Проклятие

Пролог

Я стою в темном проходе, едва освещаемом светом, проникающим через приоткрытую дверь, расположенную за моей спиной, а по обеим сторонам от меня находятся полки, уставленные гробами. Воздух пропитан торжественной тишиной и сухой прохладой, звуки внешнего мира не слышны.

Где я? Что это за место? Кто эти покойники вокруг меня?

Пытаясь взять себя в руки и не паниковать, я оглядываюсь в полумраке и понимаю, что нахожусь в каком-то сооружении без окон с высоким треугольным потолком. Сделав медленный шаг вперед по проходу, я напрягаю зрение и читаю имя на медной табличке, установленной под ближайшим ко мне гробом:

«Марта Вудвард. 1947 – 1987». Кто эта женщина, которая умерла в год моего рождения? Стараясь не шуметь, я делаю еще несколько шагов и смотрю на очередную табличку:

«Блэйк Вудвард. 1919 – 1961».

Я ежусь от холода и волнения. Не самое приятное чувство – находиться в полумраке в окружении покойников. Среди тех, кто жил когда-то, но теперь навечно упрятан в этом мол-

чаливом месте. Кому, вообще, пришло в голову не предавать тела земле, а сносить сюда, в это здание? Семейная традиция? Я сглатываю холодный ком и делаю еще несколько шагов вперед.

«Хлоя Вудвард. 1946 – 1959». Совсем ребенок.

Господи, кто все эти люди, которые, судя по всему, являлись родственниками? Что я делаю среди них в их фамильном склепе? В задумчивости я продвигаюсь дальше. Следующий гроб выглядит совсем потемневшим и запыленным, словно стоит здесь уже очень давно.

«Гвенет Вудвард. 1921 – 1946».

И вдруг металлическая дверь за моей спиной с жутким грохотом захлопывается, а меня обволакивает кромешная тьма.

– Эй! – стараюсь не пугаться, восклицаю я и торопливо возвращаюсь к порогу. – Что за идиотские шутки?

Толкаю дверь, но она не поддается и стоит, словно влитая. Я чувствую первые нотки страха, поэтому со всей силы барабаню кулаками по ее холодной поверхности и кричу:

– Немедленно выпустите меня!

Но из-за двери не раздается ни звука. Словно там никого нет. Словно по ту сторону толстого металла бездонная пропасть и больше ничего. Словно весь мир прекратил свое существование.

– Это не смешно! – на всякий случай кричу я, продолжая стучать в дверь, хотя в глубине души понимаю, что никто

не ответит. Кроме этого, мне начинает казаться, что в сооружении заканчивается кислород. Становится довольно трудно дышать и, как следствие, все сложнее удается сохранять самообладание и не паниковать.

– Зачем вы заперли меня здесь?

Я снова жду ответа, но его, по-прежнему, нет.

Только тишина.

И вдруг за спиной раздается слабый скребущий звук, словно кто-то усиленно скоблит каким-то твердым предметом по асфальту или по поверхности каменной стены.

Или натирает наждачной бумагой грубую поверхность необработанной древесины.

Или точит нож о кусок кремня...

Я медленно разворачиваюсь, пытаюсь убедить себя, что мне это чудится, но нет. Не чудится. Я понимаю, что скрежет идет откуда-то из темноты прохода и он становится сильнее и настойчивее.

«Мыши», – мелькает в голове обнадеживающая мысль. – «Мыши или птицы, которые проникли в мавзолей... А может, кроты?»

Прижавшись спиной к двери, я с тревогой вглядываюсь в черноту, но не вижу дальше своего носа, а скребущий звук становится еще громче, еще интенсивнее.

– Ничего страшного не происходит, – громко говорю я, обращаясь к проходу и стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже, уверенней и не дрожал от страха. – Это

просто старый фамильный склеп, в который пробрались какие-то животные. Они не причинят мне вреда.

Скрежет внезапно прекращается и в здании снова воцаряется абсолютная тишина. Я изо всех сил продолжаю таращиться в густой мрак и чувствую, что воздух вокруг становится еще холоднее.

Волосы шевелятся на голове.

Не знаю, каким образом, но я чувствую на себе чей-то взгляд.

Кто-то смотрит на меня.

Этот кто-то обладает прекрасной способностью видеть в темноте. Голова кружится от страха, когда я представляю себе полуистлевший скелет, который выбрался из гроба и смотрит на меня пустыми черными равнодушными глазами. Я пытаюсь выгнать из головы эти нелепые мысли, но у меня ничего не выходит. Все, что остается делать, чтобы не потерять от ужаса сознание и не упасть, это еще сильнее вжаться в дверь, слиться с ней и попытаться стать невидимкой... А в следующую секунду из темноты прохода раздается одиночный шаркающий звук, будто кто-то с трудом переставляет ногу и делает короткий шаг по направлению ко мне.

– Здесь никого нет, – повторяю я, боясь закрыть глаза, чтобы не быть атакованной внезапно. – Здесь никого нет, здесь никого нет, здесь никого нет.

Еще один шаркающий звук.

– Помогите!!! – окончательно потеряв остатки самообла-

дания, кричу я, разворачиваюсь и, что есть силы, колочу кулаками по плотно закрытой двери. – Выпустите меня отсюда!!!

Дверь, по-прежнему, не поддается.

Отступив немного назад, я с разбегу бросаюсь на нее, но моя затея не приносит успеха, зато в правом плече разгорается жгучая боль. Стараясь не обращать на нее внимание, я снова отступаю в темноту и совершаю вторую попытку выбить дверь, но она, как и в первый раз, не пошевелилась ни на дюйм...

Еще один шаг за спиной и на этот раз он слышится гораздо ближе. Кто-то приближается ко мне.

Взвизгнув от безысходности и беспомощности, я снова кидаюсь всем телом на дверь и с силой ударяюсь лбом о ее равнодушную поверхность. Раздается глухой удар, из глаз сыплются искры, а передо мной вспыхивают миллионы ярких пятен. Издав слабый стон, я медленно опускаюсь на бетонный пол и чувствую на своем лице что-то горячее и мокрое.

Кровь, стекающая из раны на рассеченном лбу, догадываюсь я.

Еще один шаг. Еще ближе.

Прижавшись спиной к двери, я снова замираю, понимая, что мне не выбраться из склепа живой.

Еще один шаг. Совсем рядом.

– Пожалуйста, – молю я, в то время как соленые слезы те-

кут по лицу, перемешиваясь со сладкой кровью и попадая в рот. – Пожалуйста, отпустите меня... Я не хотела потревожить вас... Я не знаю, как оказалась здесь, клянусь...

Еще один шаг.

– Кто-нибудь, помогите мне... – всхлипывая, словно маленькая напуганная девочка, продолжаю шептать я и начинаю отчаянно перекрещиваться. – Мамочка, где ты?

И тут из темноты коридора прямо передо мной появляется женщина, одетая в какие-то изгнившие грязные лохмотья, свисающие до пола. Ее волосы растрепаны, словно она с кем-то боролась несколько минут назад, а на груди и животе я вижу пятна свежей крови. Несмотря на все это, женщина гордо держит спину, ее плечи расправлены, словно она царица, но, в лишенном зрачков взгляде, я вижу муку и скорбь, которыми пропитано ее лицо...

...Вскрикнув, Патрисия проснулась и подскочила в кровати. Бешено оглядевшись по сторонам, она с огромным облегчением убедилась в том, что находится не в старом склепе, а в своей небольшой городской квартире, и ничто не угрожает ее жизни.

Вытерев со лба холодный пот и все еще дрожа всем телом, она перевела испуганный взгляд за окно и с тревогой посмотрела на мерцающие огни ночного Нью-Йорка, а потом откинулась на подушку и задумчиво уставилась в потолок.

Один и тот же сон, который после смерти мамы стал

сниться ей все чаще и чаще.

1. Рассказ Патрисии

(12 июня 2020 года)

Никогда в жизни не думала, что окажусь в Гамильтоне. И даже не в самом Гамильтоне, в этом глухом унылом городишке, затерянном среди густых широколиственных лесов в четырехстах милях к северу от Нью-Йорка, а еще в пяти милях от него по узкой, пустынной дороге, уходящей на северо-восток.

Но вот я здесь. И, как выяснилось совсем недавно, оказывается, я уже бывала в этих краях однажды, правда, очень-очень давно, целых тридцать три года назад, когда была младенцем. Об этом перед самой смертью успела поведать мне мама.

Ах, мама, мама...

Ее смерть пришла так внезапно, что я оказалась к этому совершенно не готова, но... Наверное, никто из нас не бывает готовым к смерти самых близких и любимых людей, даже если знает, что их дни сочтены... Не хочу вдаваться в подробности, иначе снова разрыдаюсь и не смогу продолжить свой рассказ... А рассказать, поверьте, мне есть о чём.

Так вот, перед самой смертью мама, задыхаясь и отчаянно пытаясь оставаться в сознании, рассказала, что в старинном поместье, которое находится неподалеку от Гамильтона, живет мой дядя – Алестер Вудвард – и взяла с меня клятву, что

я обязательно проведу его в самом ближайшем будущем, ведь, кроме него, у меня больше не осталось родных людей на целом свете. Я, нечего не понимая, естественно, спросила, кто он и почему она никогда не рассказывала о нем, на что мама с трудом ответила, что Алестер Вудвард являлся мужем ее покойной старшей сестры Марты, о которой я тоже никогда не слышала, и, после внезапной смерти которой, они больше не виделись с ним, но теперь я, во что бы то ни стало, обязана провести его и наладить добрые отношения, если...

Если, едва слышно добавила она, он сам все еще жив.

Сначала я не восприняла предсмертные слова мамы всерьез и не хотела ехать в такую даль, отчетливо понимая, что вряд ли нужна своему дядюшке, точно так же, собственно, как и он мне. Ведь жили мы как-то друг без друга все эти долгие годы и прекрасно справлялись. Спустя пару месяцев после похорон, когда я впервые увидела тот страшный сон, то сначала не придала ему должного внимания, списав все на излишнюю впечатлительность, вызванную маминым откровением, и даже удивилась тому, как сильно ее последние слова повлияли на мое психоэмоциональное состояние, но после повторения кошмара во второй раз я призадумалась, а когда он приснился в третий раз, я решила на поездку в Гамильтон.

Алестер Вудвард... До сих пор не укладывалось в голове, что у меня есть дядя, который носит точно такую же фа-

милию, как и все остальные покойники, в семейном склепе которых я оказывалась запертой. Что бы это все могло значить? Какая связь между Алестером Вудвардом и моим сном?

Я – врач. Человек, который верит в силу науки, а не религии, в силу фактов, а не предположений, в силу знаний, а не мифов, но... В общем, увидев сон в третий раз и, как обычно, подскочив в кровати от ужаса, вызванного встречей с представительницей потустороннего мира, я твердо решила ехать в Гамильтон, потому что поняла, что сон снится не просто так: мне необходимо выполнить последнюю просьбу умершей на моих руках мамы и проведать дядюшку Алестера.

Восемь часов пути на север от одного из самых густонаселенных городов мира – и вот я в бескрайних лесах Массачусетса. Прокочив Гамильтон, я направилась на северо-восток и вскоре, свернув возле слегка покосившегося указателя на вымощенную старой брусчаткой дорогу, усыпанную прошлогодней листвой, остановилась перед преградившими мне путь массивными железными воротами, окаймленными потемневшими от времени каменными колоннами, которые соединяла высокая полукруглая арка.

Заглушив двигатель, я с интересом посмотрела в лобовое стекло. «Поместье семьи Вудвард» – гласила старая, затертая, выбитая в арке надпись. Выбравшись из машины, я с наслаждением потянулась, разминая суставы и чувствуя,

как кровь приливает к затекшим конечностям, принося телу небывалое наслаждение. Взбодрившись немного, я с интересом огляделась. Стоял прекрасный летний вечер, вокруг меня приветливо шелестели густой листвой могучие раскидистые дубы, щебетали невидимые глазу птицы, а на небе не было ни облачка. Подойдя к воротам, я попыталась отыскать глазами кнопку домофона или еще чего-нибудь в этом духе, но не нашла ничего подобного. Видимо, хозяева поместья не привыкли к гостям или целенаправленно избегают их. Взявшись руками за толстые прохладные металлические прутья и затаив дыхание, я с удивлением посмотрела между ними. Несмотря на бросающееся в глаза запустение сада и газонов, ощущение было такое, что я нахожусь не в Америке двадцать первого века, а в средневековой Англии. Все та же, вымощенная булыжником дорога, вела к солидному особняку, находившемуся немного в отдалении и утопающему в зарослях дикого плюща.

Да это же целый дворец, хоть и довольно несовременный, замороженно подумала я. Судя по всему, здание было возведено никак не меньше пары сотен лет назад, а может, и того раньше. Вот уж не думала, что имею отношение к какому-то благородному роду, пусть даже и очень косвенное. Почему мама никогда не рассказывала о своей родной сестре Марте, вышедшей замуж за завидного богатого жениха – Алестера Вудварда? Почему я, прожив на свете целых тридцать три года, даже не догадывалась об этом и что произошло тако-

го, что нужно было делать из этого тайну и хранить ее всю жизнь?

Погрузившись в размышления, я еще раз окинула изумленным взглядом особняк. Неужели, я, и в правду, была здесь когда-то, будучи грудным ребенком? Как сильно изменилась я за прошедшие с тех пор годы, в отличие от дома. Думаю, он такой же, что и сто, что и двести лет назад, разве, только немного потемнели массивные стены и плющ разросся так сильно, словно чувствовал себя полноправным хозяином поместья.

Совсем недавно я впервые, пожалуй, пришла к выводу, что человек стареет не в постоянном темпе, секунда за секундой, а скачкообразно, когда внезапно осознает то, что он уже не тот, кем привык знать и ощущать себя. Не так давно я была молодой симпатичной девушкой, но после смерти мамы в мгновение ока почувствовала себя женщиной средних лет, чье детство давным-давно позади.

Боже, мелькнула грустная мысль, жизнь идет гораздо быстрее, чем хотелось бы...

Но где же люди? Где дядюшка Алестер? Неужели, он действительно давно умер и мой приезд оказался совершенно напрасным? Ну, с облегчением подумала я, может, оно и к лучшему. По крайней мере, тогда меня минует участь изображать на лице приветливо-идиотскую улыбку, думая при этом о том, как бы поскорее избавиться себя от общества незнакомого мне старика и вернуться в Нью-Йорк. Я

привыкла жить так, как привыкла и, вполне возможно, что мне не стоит скреплять себя дополнительными родственными узами, без которых я прекрасно обходилась все эти годы, собственно, как и дядюшка. Но, снова вспомнив свой ужасный сон и обещание, которое взяла с меня мама, я поняла, что не могу просто развернуться и уехать. Как минимум, для очистки совести необходимо выяснить, что произошло с хозяином особняка. Вдруг мистер Вудвард умер, и никто не знает об этом? А вдруг старик жив, но лежит парализованный в своей спальне, изнывая от жажды и голода, и некому подать ему стакан питьевой воды, чтобы хоть немного облегчить его страдания?

Я потянула ворота на себя, почти уверенная в том, что они не поддадутся, но те с жутким скрипом, словно их не открывали уже тысячу лет, распахнулись, приглашая меня войти на территорию некогда благоухающего и ухоженного сада. Однако, очень опрометчиво оставлять их открытыми, учитывая, в какой глуши расположено поместье, с сожалением подумала я и на всякий случай огляделась по сторонам, но меня окружала все та же беспечная идиллия, в которой не было ничего настораживающего или подозрительного. Протиснувшись в образовавшуюся между створами ворот щель и глаза по сторонам, я неспешно зашагала по брусчатке, которую, явно, давно никто не подметал, хотя иметь садовника на такой впечатляющей размерами территории было бы благоразумным решением. Не думаю, что люди, у которых есть

деньги на содержание огромного поместья, не могут позволить себе маленького садовника. Скорее всего, дядя Алегстер, и вправду, давно умер, а поместье заброшено, не найдя новых хозяев. Оно и немудрено: кому захочется жить у черта на куличках? Сейчас совсем другие времена. Люди стараются не жить вдали от городов, предлагающих им работу и прочие условия для комфортного существования, если, конечно, ты не фермер или не хиппи из трейлерного парка, но дядюшка вряд ли мог быть таким. Интересно, чем его привлекла жизнь в этом скучном, хоть и очень красивом захолустье?

Я вздохнула, с тоской разглядывая остатки былой роскоши. Когда-то этот сад, наверняка, был гордостью поместья, но сейчас представлял собой удручающее зрелище с разросшимися неухоженными деревьями и высокой травой, которая умудрялась пробиваться даже между булыжниками подъездной дороги.

Остановившись перед широкими гранитными ступенями высокого крыльца, обрамленного давно не крашеной балюстрадой, я посмотрела на потемневшие от времени каменные стены особняка, которые так полюбил дикий плющ. Несомненно, строители, возводившие дом, давным-давно преставились, а их творение – безмолвный свидетель истории этих мест – все также стоит на том самом месте, где они соорудили его когда-то, замерев в суровом, торжественном молчании. Уверена, если бы эти стены могли говорить, то им

было бы, что поведать потомкам о своих прошлых хозяевах и о своей прошлой жизни. Скорее всего, когда-то здесь кипела жизнь, бегали ребятишки, хозяева устраивали знатные семейные ужины и приглашали погостить богатых персон со всей Америки. Уверена, все это было именно так, но сейчас ощущение того, что поместье брошено и забыто, охватывало меня все сильнее. Поднявшись по запыленной лестнице на просторную террасу, я нерешительно остановилась перед массивной двустворчатой дверью, сделанной из какой-то плотной, тяжелой древесины, и остановила взгляд на медной ручке, сделанной в виде головы оскаленного льва, из ноздрей которого свисало увесистое кольцо. Взявшись за него, я несколько раз осторожно постучала им по темно-коричневой поверхности.

Тук. Тук. Тук.

И прислушалась. Из-за двери не раздалось ни звука.

Тук-тук-тук! – на этот раз я постучала гораздо настойчивей, а потом снова прислушалась.

Тишина, нарушаемая лишь удивленными перекличками птиц, резвившихся среди деревьев и, явно, не ожидавших, что сегодня появятся гости, которые нарушат царивший здесь до этого момента покой. Я отступила от двери и оглянулась, пробежав глазами по саду и надеясь увидеть гуляющего среди зарослей дядюшку, но его там, разумеется, не оказалось. Полной грудью вдохнув пропитанный травами кислород, я на несколько секунд закрыла глаза.

Идиллия.

Благодать.

И никого.

Ни единой живой души. Я снова развернулась к двери и, схватившись за кольцо, сделала при помощи него еще несколько стуков, но не услышала в ответ ничего, кроме взволнованного птичьего щебета за спиной да отголосков звонкого, шелкающего эха. В общем, как я и предположила, едва только впервые увидела дом, хозяева отсутствовали.

Растерянно посмотрев на голову оскаленного льва, я попыталась сообразить, что мне следует предпринять в сложившейся ситуации, но не придумала ничего лучше, как положить на нее ладонь и осторожно повернуть против часовой стрелки. В следующую секунду замок шелкнул, и тяжелая дверь, лениво заскрипев, медленно подалась мне навстречу.

Открыто.

Очень непредусмотрительно со стороны мистера Вудварда, снова подумала я, если, конечно же, он еще жив, в чем я сомневалась все сильнее и сильнее.

Замерев на месте и нерешительно вглядываясь в прохладный полумрак гостиной, я долго не решалась войти, но, собравшись с духом, переступила порог, надеясь в глубине души, что новые хозяева поместья, кем бы они не были, не пристрелят меня раньше, чем я успею поздороваться и объяснить причину своего вторжения.

– Здравствуйте! – громко произнесла я, оказавшись в

огромном зале и с неприкрытым интересом рассматривая уставленный старинной мебелью интерьер. Действительно, время словно застыло здесь, отставая от цивилизации на добрую сотню лет. – Я ищу дядю. Его зовут Алестер Вудвард. Когда-то он владел этим поместьем. Вы не знаете, где я могу найти его?

Тишина.

Я бросила взгляд на выложенный потертым, но дорогим паркетом пол, а потом с интересом пробежала глазами по высоким стенам, на которых висело множество портретов людей в полный рост, написанных маслом и обрамленных массивными резными рамами, выточеными из какого-то крепкого дерева, покрытого уже порядком облупившимся лаком. Набравшись храбрости, я сделала шаг вперед и подошла к ближайшему полотну, на котором был изображен галантный молодой мужчина, одетый в старинный фрак, узкие штаны и высокие черные сапоги. В одной руке он держал трость, на которую опирался, а в другой – цилиндр. Довольно статный персонаж, мелькнула мысль, который, видимо, пользовался авторитетом в обществе, несмотря на то, что на вид ему было не больше двадцати пяти лет.

Интересно, кто он? Один из тех, кто когда-то жил в поместье или видный государственный деятель минувших лет, иметь портрет которого в доме было признаком хорошего тона? Я внимательно разглядела благородное лицо, украшенное длинными завитыми кверху густыми, словно у совре-

менного фокусника, усами. Полюбовавшись немного этим эффектным господином, я сместилась вправо и остановила взгляд на следующем полотне. На нем была изображена молодая женщина с едва заметной улыбкой и гордым, знающим себе цену взглядом.

Целая картинная галерея, замороженно подумала я, развернувшись лицом к центру зала. Посмотрев в сторону широкой мраморной лестницы, первый пролет которой оканчивался широкой площадкой с огромным полукруглым окном, я не могла избавиться от ощущения, что нахожусь в каком-то музее, в каком-то совершенно другом, непривычном для меня мире. Современные жилища пропитаны духом минимализма, у многих людей в доме нет ни единой книги, ни единого лишнего шкафчика, отсутствуют даже настенные часы, но жители этого особняка, явно, были приверженцами гигантизма и не любили мелочиться.

Я глубоко вдохнула пьянящий аромат старой древесины, который чем-то напомнил мне вкусный запах маленького антикварного магазина, расположенного в самом сердце Нью-Йорка. Мне нравится этот запах. Вообще, могу сказать точно, несмотря на то, что дом выглядел безлюдным и немного запущенным, от него и всего его интерьера веяло дружелюбием, торжественностью, благородством и спокойствием. Это настроение передалось и мне, думаю, вы знаете, как это бывает. Я снова огляделась по сторонам.

Однако, где же люди?

Где хоть кто-нибудь?

Замерев у подножия лестницы и прислушавшись, я разглядела в луче света, бьющего через панорамное окно лестничной площадки, тысячи порхающих в воздухе пылинок. Возможно когда-то этот дом с утра до ночи убирала многочисленная прислуга, но теперь, и это сильно бросалось в глаза, те времена остались далеко позади. Ощущение того, что дом брошен, еще сильнее укоренилось в голове.

Я подошла к стоявшему неподалеку от камина огромному роялю и подняла тяжелую старинную крышку, очередной раз убедившись в своей правоте насчет любви хозяев поместья к большим предметам. В задумчивости нажав на первую попавшуюся клавишу, я услышала, как по дому пронеслась одинокая и грустная низкая нота. Закрыв крышку, я снова прислушалась к тишине и вздохнула: неужели такой долгий путь на край света оказался совершенно напрасным?

Я снова огляделась и мое внимание привлекли старинные напольные часы, которые находились здесь же, в центральном зале. Огромный циферблат размером, как минимум, с три человеческие головы, находился как раз на уровне моих глаз.

Гигантизм, как я уже упоминала, в былые времена проявлялся во всем – огромные дома, огромные часы... Судя по количеству населения Земли, все прекрасно умещались на планете и не чувствовали тесноты. Сейчас же нас почти восемь миллиардов, и мы стали поклоняться минимализму.

Часы становятся все меньше, телефоны все тоньше, квартиры и сады все компактнее, автомобили все экономнее.

Очень красивые часы. Интересно сколько им лет? Явно, они очень старые и представляют собой антикварную ценность, характеризующую быт ушедших поколений. Механизм не тикал, и длинный маятник с круглым набалдашником на конце, видимый через стеклянную переднюю стенку, безжизненно свисал вертикально вниз, а стрелки застыли на без четверти девять. Я где-то читала, что часы останавливаются во время смерти хозяина, но, как человек науки, никогда не верила в подобную чушь.

Усмехнувшись, я провела рукой по их теплой деревянной поверхности, сразу же ощутив на ладони слой тонкой пыли, а потом снова огляделась.

Где хоть кто-нибудь? Поместье не может оставаться безхозным и умирать среди этих прекрасных дубовых рощ, в конце концов, мы живем не во времена Апокалипсиса и не во времена страшных эпидемий.

А может, мистер Вудвард совершает вечернюю прогулку, наслаждаясь благоуханием огромного сада, окружавшего особняк, мелькнула мысль. А может, он уехал в продуктовую лавку? Но, если так, то почему не заперты дом и ворота? В Нью-Йорке не принято оставлять двери открытыми, чтобы не стать жертвой грабителей или еще кого-нибудь похуже. Хотя, собственно, от поместья до Нью-Йорка очень далеко. Возможно, в этих краях не принято бояться себе подобных и

отгораживаться от них. Жизнь в провинции обустроена совсем не так как в городах, об этом я читала в какой-то книге. В Нью-Йорке мы можем не знать в лицо соседей, обитающих на той же самой лестничной площадке, а в маленьких городишках каждый знает каждого не только по имени, но и по фамилии. Люди живут, словно большая дружная семья и у них нет привычки бояться друг друга...

Но, сейчас не об этом. Нужно было срочно решать, что делать дальше, поэтому, для начала убедиться в том, что ни сам дядюшка Алестер, ни его разложившийся труп не находятся в одной из комнат, а посему мне пришла в голову мысль тщательно обследовать второй этаж особняка.

Сказано – сделано. Еще раз оглянувшись по сторонам, я стремительно поднялась по мраморной лестнице на второй этаж и оказалась в центре длинного широкого коридора, уходившего в противоположные стороны. Выбрав западное крыло особняка, я двинулась по проходу, с интересом разглядывая одинаково красивые двери с выгравированными в древесине узорами, за которыми, видимо, располагалось бесчисленное множество комнат бывших обитателей дома и их прислуги.

– Мистер Вудвард, – периодически повторяла я, не уставая оглядываться. – Вы дома?

Пройдя до конца коридора, я выглянула в широкое окно и немного прищурилась, с наслаждением разглядывая очень приветливый и милый пейзаж. Вечер понемногу вступал в

свои права и, несмотря на то, что летние июньские ночи достаточно коротки, уже не за горами было то время, когда ночь вступит в свои права. Находясь в таинственном полумраке особняка довольно продолжительное время, я отвыкла от солнечного света, источник которого уже скрылся за роскошными кронами величавых дубов.

Красота.

Невозможно отрицать, что, несмотря на отдаленность от цивилизации, поместье было бы идеальным местом для жизни большой и дружной семьи. Жаль, что оно умирает, хотя могло бы сослужить добрую службу не одному поколению людей.

Вздыхнув, я развернулась на сто восемьдесят градусов и посмотрела на окно, расположенное в другом конце коридора, которое с моей позиции казалось совсем небольшим светлым квадратиком. Масштабы особняка не переставали удивлять меня.

Поразмыслив немного, я толкнула ближайшую к себе дверь и оказалась в небольшой комнате, оборудованной все в том же старомодном стиле. У левой стены находилась просторная кровать, застеленная шелковым покрывалом темно-красного цвета, у противоположной стены располагался гардероб, почти достающий до высокого потолка, а у окна стоял прямоугольный стол на массивных изогнутых ножках с ящиками и стул с резной спинкой... Интересно, кому принадлежала эта комната и где теперь ее бывший хозяин?

Я потянула тяжелую дверь гардероба на себя, и она, жутко скрипя, открылась, с неохотой позволяя рассмотреть содержимое, которое так старательно прятала, по-видимому, уже долгие годы. Женские вещи, висящие на плечиках. Даже не женские, а, скорее всего, судя размерам, подростковые девичьи. Длинные шелковые и льняные платья различных расцветок и оттенков, сделанные в соответствии с модой ушедших времен. Абсолютно точно можно было сказать только то, что их не носили уже много-много лет. Мне снова показалось, что я очутилась в прошлом.

Закрыв дверь гардероба, я прошла через комнату и посмотрела в окно, из которого открывался потрясающий вид на задний двор и дубовую рощу, начинающуюся чуть поодаль. Красота, очередной раз подумала я, просто красота, которую невозможно описать словами. В отдалении, в разрыве раскидистых крон, я увидела какую-то высокую треугольную крышу, а это могло означать только то, что там, за рощей, располагается еще какое-то строение, скорее всего, гостевой дом или жилище для садовой прислуги. Поразительно, как некогда процветающее поместье пришло к упадку.

Опустив глаза, я сразу же увидела на старой лаковой поверхности стола выцарапанные каким-то острым предметом, ножом или гвоздем, кривые буквы.

– В этой комнате умер брошенный и всеми забытый узник поместья семьи Вудвард, – прочла я вслух и, нахмурившись,

приздумалась над тем, что бы могла значить эта странная надпись? В поместье держали пленника? Почему? За что? Особняк Вудвардов не переставал удивлять меня своей таинственностью. Не придумав ни одного дельного объяснения странной надписи, я уже собралась развернуться и выйти из комнаты, как вдруг почувствовала, что мне в затылок уперся какой-то твердый предмет, а потом чей-то скрипучий строгий голос уверенно произнес:

– Стоять! Одно неверное движение и, клянусь Богом, мэм, ваша голова разлетится на кусочки!

Сообразив, что к моей голове приставили дуло пистолета, я замерла от страха, инстинктивно вскинув обе руки вверх и почувствовав, как сильно задрожали колени.

– Кто вы и что делаете в моем доме? – все так же строго спросил из-за спины голос.

– Сэр... – пролепетала я шепотом, чувствуя, как пересохло горло. – Не стреляйте! Я не вор... Меня зовут Патрисия Софт, я из Нью-Йорка... Я ищу человека по имени Алестер Вудвард...

После этих слов дуло оторвалось от моего затылка, и две крепкие, жилистые руки резко развернули меня на сто восемьдесят градусов. Я увидела перед собой высокого поджарого старика с седой головой и такими же седыми усами, завитыми вверх точно также, как на одном из портретов, которые висели на стенах главного холла. Старик некоторое время пристально вглядывался в мое лицо, и я отчетливо раз-

личила, как сильно задрожала его челюсть и начало подергиваться левое веко.

– Боже мой... – выдавил он, наконец, не спуская с меня изумленного взгляда, а потом провел сухой ладонью по моей левой щеке. – Боже, я не верю своим глазам... Как сильно ты похожа на мать...

Я, все еще подрагивая от испуга (все-таки, не каждый день к моей голове приставляют оружие), хотела было возразить, что мы с мамой были далеки от того, чтобы называться похожими, но, на всякий случай, решила промолчать. Мало ли, что на уме у этого престарелого чудака, который, в свою очередь, кинув короткий взгляд на поверхность стола, горько ухмыльнулся и произнес:

– Все мы, в той или иной степени, узники поместья... – он вдруг нахмурился и спросил голосом, полным тревоги и раздражения. – Что ты здесь делаешь, Патрисия?

– Мама взяла с меня обещание, что я навещу вас...

– Зачем? Разве она не давала мне клятву, что никогда не расскажет о моем существовании и не позволит тебе оказаться в поместье?

– Мама умерла...

– Оби умерла? – смягчившимся голосом спросил старик и добавил. – Ну что ж... Прими мои соболезнования. Она была хорошей женщиной, хоть и не сдержала обещание.

– Перед самой смертью мама успела рассказать мне о вас, о своей сестре Марте и...

– О Марте? – встревоженно перебил меня старик. – Что именно она успела рассказать тебе обо мне и о Марте?

– Ничего особенного, – немного удивившись внезапному изменению тона мистера Вудварда и пожав плечами, ответила я. – Только то, что после смерти тети вы перестали общаться.

– Именно так все и было, – удовлетворенно кивнул дядюшка и его лицо немного смягчилось.

– Но... Почему?

– Потому что я так решил, – сурово отрезал старик. – Но Оби молодец – вырастила такую красавицу! Не сомневался ни на секунду, что она справится. Жаль только, что ей не удалось сдержать язык за зубами и выполнить обещание до конца... Подумать только, оставалось продержаться лишь пару минут, но женская натура взяла, все же, верх. Очередное подтверждение тому, что со слабым полом нельзя иметь серьезных дел... Со времен Грехопадения не изменилось, ровным счетом, ничего.

С досадой сунув револьвер в карман старательно выглаженных брюк, старик развернулся и быстрыми шагами направился к выходу из комнаты, а я поспешила за ним.

– Вы не имеете права говорить о моей покойной маме таким тоном! – возмущенно произнесла я, набравшись храбрости и понимая, что у старика нет цели прикончить меня. – Она была очень хорошей, и ее утрата стала для меня настоящим горем, с которым мне до сих пор очень сложно мириться.

ся...

Не ответив, старик быстрым шагом спустился на первый этаж и направился через центральный зал куда-то в сторону. Я, семеня следом и стараясь не отставать ни на шаг, видела только его седой затылок, но чутье подсказывало мне, что дядюшка очень сильно волнуется и с трудом сдерживает эмоции.

И вдруг...

Мой взгляд совершенно случайно встретился с очередным портретом, на котором была изображена...

– Кто это? – вырвался изо рта громкий, почти отчаянный вопль, а потом у меня захватило дух, потому что с портрета на меня смотрела та самая молодая женщина, завернутая в лохмотья, которая выходила ко мне из темноты склепа в моих снах. Несмотря на то, что вместо обносков на ней было платье, а вместо пустых черных глазниц прекрасные ярко-синие глаза, я сразу же узнала ее. Пытаясь убедить себя в том, что мне это кажется, я, потрясенная до мозга костей, застыла на месте и крепко зажмурилась, а когда распахнула веки, то с ужасом поняла, что не ошибаюсь.

«Спокойствие, Патрисия, только спокойствие, – не в силах отвести глаза от портрета, подумала я. – Это всего лишь совпадение... На свете бывают похожие друг на друга посторонние люди... Банальное совпадение, которое случается один раз из миллиона... Или чья-то глупая шутка...»

Старик, который уже успел удалиться от меня на прилич-

ное расстояние, резко обернулся, а потом вздохнул, медленным шагом вернулся ко мне и, встав рядом и подняв к портрету свое грустное морщинистое лицо, печальным голосом произнес:

– Это моя мать – Гвенет Вудвард. Я никогда не видел ее, потому что она умерла в результате несчастного случая, когда мне было чуть больше двух лет.

– Господи, как... – зачарованным голосом пролепетала я сквозь сжатое изумлением горло и замолчала, а перед глазами возникла медная табличка, расположенная под гробом, на которой была выгравирована надпись – «Гвенет Вудвард. 1921 – 1946». Поверьте, когда видишь перед собой портрет незнакомой женщины, которая пугает тебя в кошмарах, можно сойти с ума от непонимания происходящего.

Старик очень странно посмотрел на меня, как будто усиленно думал о чем-то, а потом с подозрением спросил:

– А что? Что тебя удивляет в этом портрете? Почему ты так сильно побледнела?

– Я... – начала было я и снова запнулась, понимая, что пока лучше держать язык за зубами и не разьяснять незнакомому человеку то, что со стороны может показаться бредом шизофреника. – Гм... Ничего особенного... Я просто... – я продолжала неотрывно смотреть на портрет, пытаюсь придумать, что бы такое соврать, а потом выпалила. – Какая она красивая... Словно царица...

Старик снова с подозрением посмотрел на меня, а потом

буркнул:

– Это неудивительно. Все наши женщины были красивыми и достойными членами семьи.

После этих слов он резко развернулся и стремительным шагом направился куда-то, а я, постоянно оглядываясь на портрет Гвенет Вудвард, снова поспешила за ним. Оказавшись в кабинете, старик, достав из кармана револьвер и небрежно бросив его в верхний ящик стола, подошел к бару, достал из него начатую бутылку бурбона и пару широких стаканов, после чего плюхнулся на старинный, но роскошный диван, обитый шелком, а потом жестом пригласил меня сесть рядом. Я, все еще находясь под впечатлением от портрета матери дядюшки Алестера, примостилась на самый краешек дивана и с изумлением огляделась по сторонам. Красивый кабинет в старинном стиле, уставленный высокими книжными шкапами со стеклянными дверьми. А та стена, возле которой находился диван, особенно поразила меня, так как была увешана множеством экземпляров самого разнообразного оружия: мушкеты, луки, копыя, ножи и все в этом духе.

Наполнив дрожащей рукой оба стакана и отставив бутылку в сторону, мистер Вудвард неспешно взял один и протянул мне другой, но я лишь отрицательно покачала головой:

– Спасибо, сэр, я не пью крепкие спиртные напитки.

– Зря, – покачал он головой, но не стал настаивать. – Порой выпивка очень неплохо выручает. Первый раз в жизни

я попробовал бурбон в этом же самом кабинете, на этом же самом диване, только вместо тебя напротив сидел мой отец. Он-то и предложил выпить. Становится смешно, когда я вспоминаю, какой гадостью мне показался в те годы один из самых выдержанных бурбонов в мире... Видимо, человек, все же, не рождается с природной тягой к спиртному... Подумать только, мне было пятнадцать лет, а я до сих пор помню тот грустный день в мельчайших подробностях, словно он закончился только вчера...

– Вы уверены, что врачи позволяют вам такие вольности, сэр? – мягко вставила я. – Спиртные напитки никого еще не доводили до добра и...

– Ты шутишь, дочка? – он кинул на меня слегка насмешливый взгляд. – В наших местах легче встретить диких обезьян, чем хоть одного врача! Последний – доктор Брилли – умер примерно двадцать лет назад. Но, даже, если бы он был до сих пор жив, я бы не пустил его на порог дома. Что толку от этих врачей? Бывают случаи, когда доктора бессильны, поэтому нет никакой нужды полагаться на них и их знания.

– Уровень современной медицины... – начала было я, пытаясь возразить, однако старик не дал мне закончить фразу и, оборвал на полуслове:

– Чушь! Если человек обречен, то ничто ему не поможет. И никто... – его голос дрогнул и он, понутив взгляд, словно вспомнил о чем-то грустном, замолчал и залпом выпил стакан, даже не поморщившись, а потом добавил. – Поверь мне,

дочка, я знаю об этом, как никто. Вся эта ваша современная медицина – чушь собачья, прошу простить меня за ругань.

– Обидно слышать, учитывая, что я врач.

– Ты стала врачом? – дядюшка поднял на меня удивленный взгляд, а потом, сухо улыбнувшись, удовлетворенно добавил. – Стало быть, мечта твоей матери осуществилась, ведь она мечтала, чтобы ты стала врачом и помогала людям.

– Вы ошибаетесь, – уверенно отозвалась я. – Мама всегда настаивала на том, чтобы я стала архитектором, как и она.

Старик снова насупился и посмотрел на окно, разочарованно покачав головой:

– Я ведь просил эту глупую женщину, чтобы она молчала до самой смерти и ни при каких обстоятельствах не позволила тебе оказаться в поместье!

– Сэр... – снова отозвалась я, понимая, что не могу называть дядей человека, которого вижу впервые в жизни. – Пожалуйста, не говорите так о моей матери, прошу вас!

– Не обижайся, дочка. Я очень благодарен Оби и храню о ней самые добрые и светлые воспоминания, – старик немного помолчал, а потом спросил. – От чего она умерла?

– Онкология, – коротко объяснила я.

– И что же ты не помогла ей, если ты врач?

– К сожалению, медицина не всесильна, – терпеливо продолжала я, понимая, к чему он клонит. – Трагедии случаются. А, кроме того, болезнь застала маму врасплох, протекала стремительно и...

– Смерть всегда застаёт нас врасплох, дочка. Она ещё никого не предупредила заранее о своих намерениях. Она уже очень много лет бродит по поместью, она забрала всех, а я все никак не дождусь, когда она войдет в особняк и приберет меня в свои убийственные объятия... Не понимаю, чего она медлит... – мистер Вудвард взял бутылку и снова до краев наполнил стакан.

Старик был явно философом в душе, но это неудивительно. Проводя жизнь в одиночестве и безделье, можно додуматься до таких вещей, на которые у занятых людей не остается свободного времени. Все великие философы, будь то Кант или Платон, были одинокими людьми. Оно и немудрено, потому что человек, которому нужно много работать для того, чтобы прокормить семью, оплачивать счета и растить детей, не будет философствовать. Он будет действовать, исходя из текущей обстановки, а не рассуждать о критике чистого разума или дуализме души и тела. Подумав обо всем этом, я осторожно спросила:

– И давно вы живете один, сэр?

– С 16 июня 1987 года. С того самого момента, когда вы с Оби отбыли из поместья навсегда сразу же после похорон Марты... Тебе тогда было чуть больше пары месяцев, – не задумавшись ни на секунду, ответил мистер Вудвард и сразу же помрачнел, а потом снова пустился философствовать. – Но я не один. Марта по-прежнему в моей душе и в моем сердце. Я частенько, сидя на этом самом диване, делюсь с

ней последними новостями. А вот портреты и фотографии я не люблю. Они лживы.

– Но ведь память...

– Чушь! – отрезал старик, не дав мне продолжить. – Всего у меня было три любимые женщины, две из них – Хлоя и Марта – к настоящему моменту мертвы...

Я хотела было спросить, а где же третья, но не успела вставить ни слова, так как старик самозабвенно продолжал:

– Не могу смотреть на их улыбки, потому что сразу же вспоминаю, в каких страшных муках умирала каждая из них... Знай они, что их ждет впереди... – он насупился и ненадолго замолчал, а затем, видимо, справившись с захлестнувшими его воспоминаниями, спросил. – А как поживаешь ты? Обзавелась ли семьей?

– Еще не успела, – смущенно ответила я, не ожидавшая подобного вопроса. – Все впереди и...

– Все впереди? – строго перебил он меня. – Боже, правый, дочка, тебе уже тридцать три года. Еще немного, и все будет позади, а впереди тебя будет ждать только одинокая скучная старость. Она наскучит тебе настолько, что ты возненавидишь даже камин и кресло-качалку перед ним.

– Если вы так сильно не любите изображения умерших людей, – спросила я, желая сменить тему разговора, – то для чего их портреты висят в центральном зале?

– Так сложилось исторически, – едва заметно пожал плечами старик. – Будь моя воля, я бы избавился от всех порт-

ретов в этом доме, но не на это право. Семейная традиция. Не я ее придумал, не мне отменять, поэтому вынужден созерцать полотна, хотя, стараюсь лишний раз не поднимать на них глаза. Каждый кровный Вудвард заказывал свой портрет в двадцать пять лет. Каждый, кто становился Вудвардом, я имею ввиду, женщин, берущих нашу фамилию при замужестве, получал свой портрет в первый год совместной жизни.

– А если кровная женщина по фамилии Вудвард выходила замуж, брала фамилию мужа и уезжала?

– Ну и что? Как я упоминал, каждый из кровных Вудвардов имеет право на портрет, достигнув двадцатипятилетнего возраста. Это традиция. Именно поэтому некоторые из кровных Вудвардов остались без портретов, – дядюшка вздохнул, – они не дотянули до двадцати пяти лет, как, например, моя родная сестра... Она умерла от ножа, будучи совсем еще девочкой... Тогда я воспринял произошедшее, как трагическую случайность, но теперь уверен, что смерть для нее была неизбежна... Ее кончина стала ударом для нас с отцом. После этого он стал пить так сильно, что протянул всего лишь два года... В день ее похорон я дал себе слово, что, когда стану полноправным хозяином поместья, то обязательно закажу ее портрет, но время шло, я женился, жизнь закрутила нас с Мартой совсем другими задачами... Знаешь, решение проблем живых людей гораздо важнее, чем решение проблем мёртвых, поэтому обещание так и осталось обещанием, хотя теперь я даже рад этому, ведь сестра мечтала... Знаешь, о

чем она мечтала? О том, что приедет принц на большом мотоцикле и увезет ее навсегда из поместья. Она говорила, что поместье душит ее своей консервативностью и скукой. Она мечтала поскорее вырасти и уехать... Моя младшая сестра мечтала о ветре свободы...

Слушая дядюшку, я с леденеющим от ужаса сердцем вспоминала отрывок из своего кошмарного сна, в котором стояла у одного из гробов и читала надпись на табличке. В этом всем творится что-то очень странное, пронеслось в моей голове, и я почувствовала на спине холодный ветерок, ведь, получается, что я знаю всех тех, о ком говорит мистер Вудвард.

– Она была особенной девочкой и все время придумывала всякие забавные небылицы, чтобы не изнывать от скуки. Представляешь, – беззлобно ухмыльнулся дядюшка, – она была уверена, что в скором времени добраться от Земли до Луны станет намного легче, чем от поместья до Гамильтона. Однако с тех пор прошло более шестидесяти лет, но подобного и близко нет...

– Хлоя? – произвольно вырвалось у меня. – Вы говорите о девочке, которая умерла в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году в возрасте тринадцати лет?

– Откуда тебе известно об этом? – дядюшка настороженно посмотрел на меня и, слегка задрожав, спросил встревоженным голосом. – Оби не держала язык за зубами?

– Я... – начала было я, но запнулась, понимая, что вряд ли смогу объяснить ему, откуда знаю о Хлое, и уже пожалев

о том, что не вовремя открыла рот. – Гм... Я... Нет. Уверяю вас, мама здесь ни при чем. Вам следует успокоиться. Она никогда не рассказывала ни о вас, ни о Хлое, ни даже о своей родной сестре, хоть это и выглядит для меня очень странно. К чему эти тайны? Неужели вам никогда не хотелось, чтобы мы с мамой изредка навещали вас? Ведь это так прекрасно, когда собираются родственники, вы так не считаете?

Мистер Вудвард залпом осушил оставшееся содержимое стакана и поставил его передо мной:

– Налей еще, дочка... И я, действительно, так не считаю. Я прекрасно справляюсь один и меня все устраивает. Я просто доживаю свой век, не зная даже, какое сегодня число и... Кстати... – он встревоженно вскинул брови, – какое сегодня число?

– Сегодня двенадцатое июня, – подсказала я.

– Двенадцатое июня? – вскрикнул дядюшка и даже побелел от страха. Он посмотрел на меня безумным взглядом, а потом вскочил с дивана и добавил трясущимся голосом. – Тебе нужно покинуть поместье как можно скорее!

Удивившись такой стремительной метаморфозе в поведении мистера Вудварда и услышав его последние слова, я мгновенно растерялась.

– Как?.. То есть... Я проделала такой длинный путь на окраину мира только для того, чтобы сразу же уехать обратно?

– Тебе нельзя оставаться здесь, – стараясь говорить уве-

ренным тоном, ответил старик, но я чувствовала, как сильно дрожит его голос. – Это для твоего же блага.

– Но...

– Никаких «но»! – довольно грубо оборвал он. – Я не привык повторять свои слова дважды! Поэтому, пошевеливайся! Закрой за собой дверь и никогда больше не появляйся у ворот поместья! Я не приглашал тебя!

От обиды у меня задрожала челюсть. Признаюсь, за тридцать три года жизни мне еще ни разу не доводилось сталкиваться с подобным хамством. Я уже хотела было развернуться и покинуть особняк с высоко поднятой головой, как вдруг дядя пошатнулся и схватился рукой за грудь. Издав слабый болезненный стон, он расширил глаза и принялся сползать на пол, пытаясь ухватиться за диван.

– Мистер Вудвард, что с вами? – закричала я, забыв об обиде, и бросилась к нему на помощь, стараясь смягчить удар от падения. – Вам плохо?

Он не ответил. Его глаза закатились, он, вцепившись в меня руками, захрипел и повалился на бок. Придерживая дядюшку, я помогла ему растянуться на паркете. Было совершенно очевидно, что старик перевозбудился и у него произошел сердечный приступ, поэтому действовать нужно было стремительно. Положив голову задыхающегося дядюшки себе на руку, другой рукой я расстегнула ворот его тщательно выглаженной рубашки, а потом выхватила из кармана джинсов мобильник и набрала 911:

– Срочно, скороую! Здесь человеку плохо! Адрес? Я не знаю адрес! Старинное поместье в пяти милях к северо-востоку от Гамильтона по двадцать девятой дороге! Вы знаете, где это?.. Жду! Постарайтесь прибыть, как можно скорее!

– Оставь, дочка... – раздался тихий шепот. – Мои дни сочтены...

Дядя лежал на спине, и тяжело дышал, а я, заглянув в его мутнеющие полуприкрытые глаза, воскликнула ободряющим голосом:

– Держитесь, мистер Вудвард! Все будет в порядке! Бригада уже едет, но нам необходимо продержаться до ее прибытия. Где вы храните лекарства?

– Патрисия... – продолжал старик, дрожащей рукой пытаясь схватить меня за блузку и притянуть к себе поближе. – Послушай меня внимательно... Тебе нужно убираться из поместья, как можно скорее и как можно дальше... Пока еще не поздно... Марта умерла тринадцатого июня... Отец умер тринадцатого июня... Хлоя умерла тринадцатого июня... Все Вудварды умирают тринадцатого июня... Все, кроме меня... Страшное проклятие висит над нашим родом... Я сам не верил в него до кончины моей любимой Марты... Останешься здесь – умрешь завтра ровно без четверти девять вечера...

– Мистер Вудвард, у вас жар! Все будет в порядке, обещаю!

– Да послушай же... Патрисия... Ты... Моя... Дочь...

– Что вы сказали? – переспросила я, удерживая в руках его голову и понимая, что старик, явно, не в себе. – Что вы имеете ввиду?

– Ты... Патрисия Вудвард... – с трудом выдавил дядюшка. – Наша с Мартой дочь... Я отдал тебя в младенчестве ее сестре Оби...

– Сэр... – взмолилась я, чувствуя мелкую дрожь его стремительно бледнеющего лица в своих ладонях. – Вам нужно перестать волноваться! Все обойдется, но необходимо сохранять спокойствие!

– Помолчи, не перебивай... – упрямо продолжал мистер Вудвард. – Я отдал тебя ей, чтобы уберечь от беды, и взял с нее клятву, что ты никогда не узнаешь правду и никогда не вернешься сюда...

– Просто скажите мне, где вы храните валидол? Постарайтесь вспомнить!

– То, что я сделал, было только лишь ради тебя... Я хотел спасти тебя, мою третью, кроме Марты и Хлои, самую любимую женщину от поместья и его проклятья. Срочно уезжай, иначе будет слишком поздно. Я люблю тебя, дочь... Прости меня... Мой адвокат сам найдет тебя... Денег, которые тебе полагаются по наследству, очень много... Даже не представляешь, сколько... Но сейчас ты должна сесть в машину и убраться от поместья, как можно дальше... Беги отсюда... Убирайся...

Я положила руку на его морщинистый крепкий лоб, убе-

дившись в том, что температура тела дядюшки превышает все допустимые пределы. Он бредил, мучаясь в предсмертных судорогах, но без специального оборудования и медикаментов я была не в силах помочь ему, поэтому все, что мне оставалось делать, это держать в руках его трясущуюся голову и повторять слова о том, что все будет хорошо, надо только лишь успокоиться и расслабиться. Внезапно дядюшка снова захрипел, и все ее тело напряглось так, словно через него пустили мощный разряд электрического тока. Я поняла, что это конец, но продолжала без умолку шептать ему в ухо подбадривающие слова.

– Это не безумие, Патрисия... – с трудом разобрала я сквозь хрип. – Ты должна покинуть поместье, иначе пропадешь...

Хрип прекратился также внезапно, как и начался, и тело дядюшки, вмиг потяжелев, расслабилось и обмякло. Случилось неотвратимое. Осторожно выпустив голову мистера Вудварда из рук, я заглянула в широко открытые голубые глаза, наполненные отчаянием, обреченностью и мутой смерти, но, чтобы быть уверенной до конца, положила два пальца на его все еще теплую шею, убедившись в том, что пульс не прощупывался.

Он умер.

Мне, как врачу, не впервой видеть перед собой покойника, но...

Только не сейчас.

Только не при таких обстоятельствах.

Что за несусветный бред он нес перед смертью?

Я снова посмотрела на его сухое благородное лицо и закрыла пальцами лишенные жизни глаза. Что-то подсказывало мне, что он не был тем грубияном, каким отчаянно пытался показаться мне, лишь бы только я поскорее убралась из поместья. Подобрал валявшийся неподалеку мобильник и, ткнув пальцем в экран, я посмотрела на время, после чего почувствовала на спине легкий холодок.

Двадцать часов сорок пять минут.

Без четверти девять.

Ровно столько же, сколько показывали застывшие стрелки напольных часов, молчаливо стоящих в центральном зале.

2. Рассказ Оби

(16 июня 1987 года)

Переступив порог особняка через заднюю дверь, я остановилась в центральном зале и, нежно прижимая к груди дремлющую Патрисию, огляделась по сторонам. Мой взгляд упал на старинные напольные часы с застывшим на них когда-то временем – без четверти девять – и из груди вырвался горький протяжный вздох, полный скорби и печали.

По случайности Марта умерла ровно без четверти девять вечера. Разумеется, в подобном совпадении нет ничего необычного, думала я. У нее был один шанс из миллиона умереть именно без четверти девять, и он ей выпал. Марта всегда была очень удачливой, но никогда не гналась за фортуной в поисках наживы, а была счастлива и довольствовалась тем, что есть: любящим и любимым мужем, дочерью, домашними хлопотами и мной. Я очень любила свою старшую сестру, но теперь ее не стало.

Она умерла.

Впервые в жизни особняк показался огромной пастью какого-то жестокого чудовища, которое решило поглотить все следы счастья и радости, царившие до этого в мире, точно так же, как менее получаса назад семейная усыпальница Вудвардов – мавзолей с высокой треугольной крышей, располагавшийся за дубовой рощей поглотил навсегда тело

Марты. Кому вообще пришла в голову мысль сносить тела усопших членов семьи в мавзолей, а не предавать их земле? Что за странная традиция, совсем не характерная для северо-восточных штатов, которые всегда населялись преимущественно англичанами? Впрочем, в династии Вудвардов это была не единственная странность... Откуда взялась мода вешать здесь же, в центральном зале, свои портреты, написанные маслом и стоящие немалых денег? Для чего? Потешить самолюбие или попытаться увековечить себя, став, тем самым, частичкой американской истории? Одному Богу известно. Я знала только то, что традициям Вудвардов уже много-много лет и они не меняются со временем. Вот теперь Марта, как полноправный член династии, заняла свое место в тот мрачном, молчаливом строении, а ее портрет, написанный в первый год совместной жизни с Алестером, беспечно висел на стене, не подозревая о том, что его хозяйка уже не живет в этом доме. Отыскав глазами полотно с изображением сестры, я горько вздохнула и посильнее прижала к себе Патрисию. Мне до сих пор не верилось в то, что моя старшая сестра покинула этот мир. Так быстро и так внезапно...

Все началось сразу после рождения дочери, которую они с Алестером так долго ждали. Поздняя беременность дала о себе знать, и в голове Марты стремительно развилась опухоль, о которой никто не подозревал, даже она сама, списывая частые головные боли и недомогание на переутомление, вызванные бессонными ночами и круглосуточным уходом за

новорожденной Патрисией...

Алестер, проводив до ворот священника и похоронную команду, вернулся через парадную дверь и плюхнулся в кресло, кинув на меня короткий скорбный и беспомощный взгляд. Не помню, чтобы когда-нибудь видела его таким растерянным. Он не просто любил Марту, а боготворил ее. Она была его музой, его вдохновением, его лучшим другом. Несмотря на всю свою внешнюю строгость, Алестер не чаял в моей сестре души и все, что делал, он делал только лишь для нее и во славу ее. Я знала это наверняка.

– Произошло ужасное недоразумение, – мрачно произнес он, прервав молчание. – Марта не умерла... Это просто лентаргический сон или ошибка доктора Брилля... Тем более, что он уже ошибался когда-то, ровно двадцать восемь лет назад...

– Алестер, прошу тебя... – я села в кресло напротив и, легонько покачивая малышку, беззвучно разрыдалась.

– О, господи, кого я пытаюсь обмануть... – Алестер закрыл лицо руками. – Моя любимая Марта, моя милая девочка, мое счастье...

Слушая его, я зарыдала еще сильнее, позабыв о том, что могу потревожить сон Патрисии.

– Это моя вина... – повторял он через ладони. – Только я виноват в том, что случилось...

– Не кори себя понапрасну, Алестер, – пыталась успокоить я его сквозь бесконечные всхлипы и слезы, которые бур-

ным потоком потекли по моему распухшему лицу. – Ты ни в чем не виноват...

– Виноват... – упрямо повторял он. – Я был слеп, глуп и равнодушен... Я не обращал внимания на то, что происходит вокруг...

– Алестер, прошу тебя...

– Ты ничего не знаешь! – почти крикнул он. – Ты ничего не знаешь!

– Что? Что я не знаю?

Прежде чем он успел ответить, Патрисия проснулась и громко захныкала, извиваясь в моих руках, словно тоже где-то в глубине души осознала то, что осталась сироткой, у которой никогда в жизни больше не будет мамы. Вскочив на ноги, я начала успокаивать ее, нежно прижимая к груди и напевая в крошечное ушко колыбельную. Девочка замолчала и удовлетворенно засопела, снова прикрыв глазки и уткнувшись лобиком в мое плечо.

– Господи... – снова услышала я горький голос Алестера. – Я не хочу жить... Для чего мне теперь все это...

– Ты с ума сошел, – с тревогой прошептала я, стараясь не разбудить малышку во второй раз. – У тебя есть дочь и она нуждается в тебе!

– Она нуждается в матери, которую я не смог уберечь от несчастья, – прошептал Алестер и на его глазах опять выступили слезы. – Как я объясню ей то, что не позаботился о Марте должным образом?

– Не говори так! – возразила я. – Ты был прекрасным мужем моей сестре и, я уверена, станешь заботливым отцом для Патрисии, а я буду приезжать как можно чаще и помогать тебе растить ее.

– Тебе не дано иметь собственных детей, Оби, – ни с того, ни с сего вдруг задумчиво произнес Алестер и пристально поглядел мне прямо в глаза.

– Алестер, я...

– Не оправдывайся. Я знаю твою тайну. Марта рассказывала мне.

– Алестер, разве сейчас самое время говорить об этом? – взмолилась я, чувствуя, что снова могу разрыдаться. – Я совершила ошибку, Господь наказал меня за нее и...

– Возьми ее, – не спуская с меня тяжелого взгляда, мрачно произнес Алестер.

– Что ты имеешь ввиду?

– Возьми Патрисию.

– Но... Я ведь и так держу ее.

– Ты не поняла... Возьми ее насовсем. Вырасти ее, как собственную дочь.

– Алестер... – изумилась я, надеясь, что ослышалась. – Ты сошел с ума... Как ты можешь предлагать мне такое?

– Не переживай за финансовую составляющую вопроса, – не обращая внимания на мои причитания, продолжал Алестер. – Я перечислю на твой счет такую сумму, что хватит не только на воспитание малышки, но и на всю оставшуюся

безбедную жизнь.

– Алестер... Это безумие...

– Тебе даже не придется работать.

– Алестер... – снова взмолилась я. – Дело не в деньгах...

Патрисия, она ведь... Ведь она твоя дочь. Неужели ты сможешь вот так запросто расстаться с ней?

– Девочке нужна мать, – произнес Алестер, вытерев слезы и встав с дивана, а потом подошел ко мне вплотную. – Я не смогу заменить ей ее. Патрисии будет гораздо лучше с тобой там, в Нью-Йорке, чем здесь со мной, неужели не понимаешь? Ты милая, добрая женщина, Оби, совсем как твоя сестра. Ты станешь для малышки родной матерью, разве это не прекрасно? У тебя будет то, чего лишил тебя Господь, и чего никогда не будет, если ты откажешься от моего предложения. Подумай об этом!

– Я могу усыновить ребенка из детского дома и...

– И будешь растить чужую плоть? Чушь! – махнул он рукой. – Патрисия – дочь твоей сестры, в вас бежит одна кровь!

Я с сомнением посмотрела на малышку, пытаюсь понять, не сошел ли Алестер с ума.

– Оби, я говорю абсолютно серьезно, – добавил он, видимо, прочитав мой взгляд. – Не думаю, что когда-либо в своей жизни я был настолько серьезен.

Продолжая рассматривать мирно сопящую в моих объятиях Патрисию, я вдруг призадумалась, пытаюсь справиться с потоком мыслей, наводнивших голову.

А что?

Алестер в чем-то прав. Ведь это, действительно, мой шанс стать матерью. Шанс, о котором я мечтала и который теперь оказался прямо в моих руках... Боже, как приятно держать маленькое живое творение, заботиться о нем и осознавать, что являешься для него самым важным человеком в мире... Боже, какое, наверное, счастье – быть матерью...

И вдруг я вспомнила слова Марты, сказанные ею три дня назад, в день ее смерти: «Если со мной что-нибудь случится, позаботься о Патрисии. О ней и об Алестере. Обещаешь?» Холодные мурашки поползли по спине, и страшная догадка, словно молния, озарила меня.

Марта чувствовала... Не знаю, откуда, но она подозревала, что умрет. Именно поэтому на ней не было лица, когда она нашла нас с Патрисией в саду. Она что-то говорила про загробный мир, но я толком не помнила, что именно... Помнила только то, что мне был неприятен тот разговор. Три дня назад я не придавала значения ее словам, списав их на плохое настроение после ссоры с супругом или послеродовую депрессию, но теперь мне все стало ясно.

Марта знала, что умрет и поэтому взяла с меня обещание позаботиться об Алестере и дочери... Она скончалась тем же самым вечером, прихватив с собой данное мной обещание, на которое я согласилась, лишь бы только поскорее закончить тот неприятный диалог.

Вспоминая о событиях тринадцатого июня, я продолжала,

преисполненная сомнений, задумчиво разглядывать Патрисию и, наконец, выдавила:

– Не знаю, Алестер... Неужели ты, потомок благородного рода, способен отречься от собственной дочери?

– Я... – начал было он, а потом на несколько секунд плотно сжал губы, словно изо всех сил держался, чтобы не разрыдаться во весь голос. – Я не отрекаюсь от нее... Я спасаю ее. Это только лишь для ее блага...

– Но...

– Выслушай меня! Ты сможешь вырастить девочку. У нее будет полноценная жизнь вдали от этого заплесневелого старого дома. У нее будет мать, которая сможет по-настоящему любить ее. Мое предложение выгодно для всех нас! Я предлагаю сделку! – он положил трясущиеся от возбуждения руки мне на плечи и, снова заглянув в глаза, очень медленно повторил. – Я предлагаю тебе сделку, Оби. Ты растишь мою дочь, я обеспечиваю твое безбедное существование, Патрисия растет, окруженная материнской любовью. Разве в этом нет логики? Каждый из нас троих будет счастлив и получит то, что ему нужно, но я выдвигаю тебе только одно совсем несложное условие.

– Какое? – глухим голосом машинально отозвалась я.

– Ты должна пообещать мне, что никогда не откроешь Патрисии нашу тайну, – все тем же медленным тоном произнес Алестер, продолжая пристально смотреть в мои испуганные глаза с близкого расстояния. – Ты никогда не приве-

зешь ее в поместье. Ты никогда не расскажешь ей правду. Ты никогда не обмолвишься ей ни обо мне, ни о Марте. Ты забудешь дорогу сюда и забудешь о моем существовании.

– Как же так? – изумилась я, не веря собственным ушам. – Тебе не интересно будет получить от меня ни одной фотографии или новогоднюю открытку, подписанную твоей дочерью, когда она подрастет?

– Ни. Ког. Да. – он приблизил свои глаза к моему лицу и, не моргая, сверлил меня взглядом так, словно пытался заглянуть в самые отдаленные глубины души. – Ты слышишь, Оби? Никогда.

В этот момент Алестер был очень страшен, скулы тряслись, а лицо горело безумием. Я не могла припомнить, чтобы видела его хоть раз в таком состоянии. Но, не смотря на все это, в его глазах стояли слезы, и было заметно, словно он едва сдерживается от рыданий. Сглотнув в горле холодный ком, я отступила от Алестера на один коротки шаг. Он остался на месте, опустив руки и выпрямившись в полный рост, а потом произнес:

– Забирай ее.

Я отрицательно затрясла головой.

– Забирай свою дочь, Оби.

Я, не в силах сказать ни слова, опустила глаза и снова посмотрела на Патрисию. Она, чувствуя тепло моего тела, улыбалась во сне и умиротворенно посапывала.

– Собирайся, Оби. Я вызову такси, и оно отвезет тебя в

Гармфлинт, где вы с Патрисией сядете на ближайший поезд до Нью-Йорка и больше никогда не вернетесь в поместье.

Подняв голову, я покрепче прижала к себе племянницу и молча кивнула, стараясь не смотреть Алестеру в глаза. Его сильно трясло, но он нашел в себе силы подойти ко мне обнять нас с Патрисией и прошептать в мое правое ухо:

– Прощай, Оби. Прощай навсегда. И не забудь про наш уговор. Что бы ни случилось, никогда не позволяй моей дочери вернуться сюда и не рассказывай ей правду. Храни Господь тебя и Патрисию.

Я почувствовала на своей шее его хлынувшие нескончаемым потоком горячие слезы...

3. Рассказ Марты

(12 июня 1987 года)

Когда малышка уснула, мы с Алестером вместе пошли в ванную комнату и занялись вечерним туалетом, наслаждаясь редкими минутами покоя и возможностью поговорить друг с другом на отвлеченные темы. Несмотря на то, что Патрисия родилась довольно спокойной и тихой девочкой, она все равно успевала известить меня за день, и по вечерам я чувствовала себя, словно выжатый лимон.

– Как же я жду завтра, чтобы поскорей увидеть Оби, – произнесла я, обращаясь к мужу, который, стоя перед зеркалом, с самым серьезным выражением лица подравнивал щипцами форму своих роскошных каштановых усов, точь-в-точь таких же, как у его покойного отца. Меня всегда забавляла мимика супруга в то время, когда он занимался этим нехитрым делом: словно он не просто выщипывал лишние волосики, а решал сверхсложную логическую задачу, от которой зависела судьба всего человечества. Впрочем, Алестер во всем был таким, с любовью подумала я и добавила. – Я так соскучилась по ней, несмотря на то, что после рождения Патрисии она стала приезжать гораздо чаще.

– Да, со времени ее последнего визита не прошло и месяца, – благосклонно отозвался Алестер, не поворачивая головы. – Невооруженным взглядом видно, что Оби сильно по-

любила девочку. И малышка платит ей тем же.

– Это совсем не удивительно, учитывая произошедшие с ней обстоятельства, – с грустью вздохнула я. – Не представляю, как она держится. Я бы сошла с ума, зная, что никогда в жизни не смогу стать матерью... И зачем она решилась на аборт, даже не посоветовавшись со мной?

– Кто знает... Возможно, ей было стыдно признаться, что она поддалась авантюре с подонком, который использовал ее и бросил.

– Но у нас никогда раньше не было секретов друг от друга, – снова вздохнула я и добавила. – Бедная девочка... Через общение с Патрисией она хоть как-то старается компенсировать свое несостоявшееся материнство.

– Никогда не нужно спешить, – тоже с грустью ответил Алестер и добавил. – Как показывает жизнь, прежде, чем что-то сделать один раз, нужно тысячу раз подумать, просчитать любой из возможных вариантов и только потом выбрать среди них лучший... Пусть Оби приезжает почаще, дорога в наш дом для нее открыта в любое время. Наверное, опять будет целыми днями возиться с Патрисией, тем самым подарив тебе возможность перевести дух. Хорошо, что вы остались с ней близки. В современном мире родные братья и сестры очень часто ненавидят друг друга, словно лютые враги, – покачал головой Алестер и разочарованно добавил. – Глупые люди...

– Даже в момент нашего с тобой знакомства Оби была ря-

дом со мной, – улыбнулась я. – Помнишь тот день?

– Ну, если согласиться с тем, что наша первая секундная встреча, во время которой ты успела измазать мой пиджак мороженым, была знакомством, то, пожалуй, да, Оби была первым свидетелем, – благосклонно отозвался Алестер.

– Ты был так красиво одет, – мечтательно протянула я и потрепала его только-только начинающие сесть каштановые волосы. – Совсем не похож на деревенских мальчишек! Настоящий франт! Однако взгляд у тебя был такой, словно ты только что совершил что-то страшное и пытался скрыться с места преступления... Может быть, спустя почти тридцать лет, признаешься, откуда и куда ты так сильно спешил?

В ответ на это Алестер мгновенно помрачнел. Благодушная улыбка исчезла с его лица и, нахмурившись, он возобновил свое занятие, с остервенением выдирая из усов выбившиеся волосы, а потом с раздражением выдавил сквозь плотно сжатые губы:

– Я не хочу говорить на эту тему, дорогая, и ты прекрасно знаешь об этом... То был один из худших дней в моей жизни, который чуть было не разрушил мою жизнь.

– Прости, милый, – смутилась я. – Но для меня тот день, пожалуй, был одним из лучших в жизни, ведь я встретила тебя... Прошло уже столько лет, и я подумала, что ты изменил свое мнение.

– Я никогда не меняю мнения, и об этом ты тоже знаешь. Я всегда придерживаюсь убеждений, которые считаю правиль-

ными, и не стараюсь разорваться между умными и красивыми... – Алестер замолчал, а потом сварливо добавил. – Может быть, именно поэтому я до сих пор жив, в отличие от Хлои.

Я снова погладила затылок мужа, понимая, что никогда не получу ответ на свой вопрос. Алестер очень не любил вспоминать тот день, а я знала только то, что наша с ним первая короткая встреча в Гамильтоне случилась на следующий день после внезапной смерти его младшей сестры Хлои, которую я не успела застать в живых.

– Что ты делаешь, Марта? – с тревогой спросил вдруг Алестер через отражение в зеркале, а потом повернул ко мне озабоченное лицо. – Ты решила вычистить зубы массажной расческой?

Я опустила глаза и поняла, что он абсолютно прав: в одной моей руке находился тюбик, а в другой – массажная расческа с нанесенной на нее пастой.

– Материнство дает о себе знать, – вздохнул Алестер и провел рукой по моему лбу, видимо, желая убедиться, что у меня нет повышенной температуры. – Тебе нужно больше высыпаться, дорогая. Надеюсь, тебе удастся сделать это за ту неделю, что проведет в нашем доме Оби. Она очень любит Патрисию и, думаю, с радостью взвалит часть материнских обязанностей на себя.

Согласно кивнув, но не особо вникая в слова Алестера, я переводила глупый взгляд с расчески на тюбик и обратно,

понимая, что не знаю, как это произошло. Чувствуя беспомощность, я медленно отложила тюбик и расческу в сторону, развернулась и на ослабших ногах двинулась из ванной комнаты. Алестер проводил меня встревоженным взглядом и спросил в спину:

– Все в порядке, милая?

– Я... – задержавшись на пороге и не поворачивая головы, выдавила я. – У меня разболелась голова...

– Опять?

– Ерунда. Ты прав, мне нужно как следует выспаться, вот и все. Я буду ждать тебя в постели, дорогой...

Оказавшись в коридоре, я побрела в сторону спальни и, оказавшись в ней, упала ничком в супружеское ложе и уткнулась лицом в подушку. Туман в голове начал понемногу рассеиваться, но это не принесло облегчения. Я прекрасно осознавала, что в последние дни с моим разумом, явно, происходит что-то странное: я часто путала элементарные вещи, забывала слова, а на прошлой неделе долго не могла вспомнить собственное имя. Особенно такие проблемы беспокоили меня по вечерам, утром и днем совершенно не проявляя себя.

Надеюсь, что не схожу с ума...

Мне бы очень не хотелось сойти с ума именно сейчас, когда я, наконец-то, стала матерью. Теперь я не имела никакого права на то, чтобы стать слабоумной. Я не имела никакого права на то, чтобы оказаться не в состоянии заботиться о

своей маленькой, но самой лучшей семье в мире.

После того, как разум пришел в норму, я немного успокоилась и стала ждать Алестера, который, спустя еще некоторое время, появился на пороге спальни, обернутый в теплый халат. Мы перебросились парой любезных фраз, признанием в любви и пожеланием друг другу приятных снов, а потом поцеловались и, обнявшись, уснули.

Но спала я недолго и, проснувшись среди ночи, долго лежала в абсолютной темноте на спине и вглядывалась в потолок, прислушиваясь к мирному посапыванию Алестера, лежащего рядом, и размышляя о том, что же могло меня разбудить. В доме царила умиротворенная тишина, но я чувствовала, что проснулась не просто так. Может быть, Патрисия вскрикнула во сне?

Решив проверить, как там дочурка, я осторожно, стараясь не разбудить мужа, выбралась из постели и на цыпочках выскользнула из спальни. Остановившись в темном коридоре, я снова прислушалась к торжественной тишине особняка, нарушаемой только лишь тиканьем настенных часов, висевших где-то над моей головой, и, не услышав ничего подозрительного, направилась в комнату Патрисии.

Оказавшись в детской комнате, залитой мраморным лунным светом, я бесшумно, словно привидение, прокралась к кроватке и посмотрела на спящую и улыбающуюся во сне малышку, которая выглядела, будто ангелочек. Убедившись в том, что она крепко спит, я успокоилась и, продолжая раз-

глядывать ее, тоже улыбнулась. Интересно, подумала я, кем она станет, когда вырастет? Я бы очень хотела, чтобы она помогала людям, может быть стала врачом или еще кем-то в этом же духе... Да, думаю, я была бы счастлива, если бы Патрисия стала врачом. А кроме того, я надеялась, что выращу очень красивую и достойную дочь, которой повезет в жизни, как и мне, встретить любимого человека и обрести свое счастье. На мгновение в голове снова всплыла моя первая встреча с Алестером, которую можно было бы назвать случайностью, но никак не знакомством и, не сводя взгляд с Патрисии, улыбнулась еще шире. В отличие от Алестера я очень любила вспоминать тот день. Как давно это было, подумать только... Через два дня, четырнадцатого июня исполнится ровно двадцать восемь лет с того момента. С тех пор Алестер совсем не изменился: все такой же упрямый, прямолинейный мальчишка, разве что стал гораздо выше ростом, шире в плечах, да на висках появился первый, пока еще едва заметный пепел.

В этот день я обязательно помолюсь за здоровье Алестера и малышки и поблагодарю Господа за то, что наградил меня счастьем. Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы в тот прекрасный день наши пути случайно не пересеклись на те самые несколько секунд?

Во времена моего детства мы с родителями жили в Гармфлинте, который является центром округа, а в Гамильтон приезжали раз в году на скучную сельскохозяйственную яр-

марку, которую очень любил мой покойный батюшка. Мне никогда не нравился Гамильтон, этот захоластный спящий городишка с пыльными улочками, но каково же было мое удивление повстречать в этом богом забытом месте модно и джентельменски одетого мальчишку, так не похожего на деревенских ребят. Держа за руку четырехлетнюю Оби, я, ничего не подозревая, шла по второстепенной улице и облизывала шарик клубничного мороженого, которое несколько минут назад нам с сестрой купила мама. Алестер появился внезапно и он, явно, не был настроен на знакомство. Что-то пряча под пиджаком, он, бешено оглядываясь по сторонам и прерывисто дыша, выскочил из какой-то переулочка и с размаху врезался в меня, размазав только что начатый мною шарик с мороженым по моему платью и своему пиджаку. В его взгляде светилось безумие, а нижняя челюсть дрожала то ли от перевозбуждения, то ли страха. Тогда я была больше чем уверена, что этот юноша или сумасшедший, или какой-то преступник, который что-то украл или хуже того, кого-то убил. Он, словно загнанный зверь, спасался бегством и, не ответив на мои попытки сгладить ситуацию, исчез в противоположном переулке так же внезапно, как и появился, даже не извинившись. Однако никто за ним не гнался, никто не преследовал и сонная улочка, встревоженная на несколько секунд появлением этого парня, снова задремала под полуденным солнцем.

Следующая наша встреча состоялась годом позже, но мы

сразу же узнали друг друга. Я поняла, что Алестер никакой не вор и не убийца, но на все мои расспросы о том, что с ним приключилось и от кого он убежал в тот день, он начинал нервничать и просил никогда не расспрашивать его об этом.

«Я не люблю ложь, – любил он повторять слова своего ныне покойного отца. – И, чтобы не вынуждать меня лгать, никогда не спрашивай то, о чем я не хочу говорить».

Я довольно долго привыкала к педантичности, строгости, пунктуальности и щепетильности своего супруга, но, могу сказать точно, что мне повезло в жизни – встретить любимого человека. И мне повезло, что этот человек отвечал полной взаимностью. Успев представить меня своему сильно пьющему отцу – мистеру Блэйку Вудварду – который к тому времени доживал свой последний год, Алестер на пять лет уехал в Гарвардский университет, по возвращению из которого сразу же сделал мне предложение руки и сердца, которое я не смогла не принять, так как очень любила его.

Он стал для меня самым близким человеком, даже ближе, чем Оби, которая продолжала жить с родителями в Гармфлинте. Окончив школу, сестра покинула отчий дом и уехала в Нью-Йорк, чтобы выучиться на архитектора, прижилась там и осталась работать по специальности. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году с родителями случилась трагедия – они попали под снежную лавину, находясь на зимнем отдыхе в Аспене, но их тела не нашли, поэтому окружная комиссия вынуждена была признать их сначала пропавшими без

вести, а еще через пять лет – погибшими. Дом в Гармфлинте мы с сестрой продали, поделив вырученные за него средства пополам. В общем, у каждой из нас была собственная жизнь, но мы с Оби, чувствуя кровную привязанность, крепко дружили, старались поддерживать друг друга и встречаться при любой возможности. До появления на свет дочери я иногда гостила у нее в Нью-Йорке, Оби тоже приезжала к нам во время своих коротких отпусков, а после рождения Патрисии стала навещать нас гораздо чаще. Вообще, сестра очень полюбила малышку, и я чувствовала это, понимая, откуда растут ноги: будучи студенткой, она забеременела от одного подонка, который притворялся хорошим парнем. Тот начал уговаривать ее сделать аборт, упирая на то, что они еще слишком молоды и, для начала, нужно подумать о карьере, а уж потом о детях. Оби, перед глазами которой расстилалась пелена первой любви, поддавалась на его уговоры, но это не помешало юному «Казанове» исчезнуть из ее жизни так же внезапно, как и появиться. Самой страшной ошибкой сестры было то, что она ничего не сказала мне, так как знала, что я не позволю ей убить собственного ребенка. В общем, аборт она сделала, но, с тех самых пор ей больше не дано было забеременеть, поэтому через общение с Патрисией сестра восполняла свой дефект, хоть ненадолго представляя себя матерью.

Бедная Оби... Нет ничего хуже для женщины, чем осознавать то, что никогда не станешь матерью. Женщина, неспо-

собная стать матерью, остается женщиной только внешне, но изнутри ее начинает разъедать чувство собственной неполноценности, заполняя душу увеличивающейся черной ямой. Это чувство приходит не сразу. Поначалу, когда мы молоды, то совсем не задумываемся об этом, забывая жизнь другими делами и позволяя в голове крутиться совершенно иным мыслям. Но с годами это чувство начинает нарастать, будто снежный ком, разъедая несостоявшуюся мать изнутри. Думаю, самое страшное начнется для Оби в почтенном возрасте, когда, сев в одиночестве за пустой кухонный стол, она поймет, что прожила бездарную, никому не нужную жизнь. Когда она будет печально смотреть на не занятые детьми и внуками стулья вокруг пустого стола, с грустью осознавая, что никто не позвонит, не поинтересуется ее здоровьем и не приедет проведать на Рождество или в День Благодарения...

Конечно же, у Оби есть я, Алестер и Патрисия, но это совсем не то, потому что мы никогда не станем предметом гордости ее собственной жизни, и никогда не станем ее достижением, тем, чего она добилась сама. На людях Оби никогда не покажет своего отчаяния, но черная яма в душе сестры будет становиться глубже, шире и еще чернее, разъедая ее изнутри.

Я говорю об этом с такой уверенностью, потому что знаю это чувство по себе, ведь я смогла забеременеть только в тридцать девять лет, а родить в сорок. Черная яма, которую я почти не замечала в молодости, росла в душе, ширясь год от

года и выжигая меня изнутри незаметно для окружающих, но, как только появилась Патрисия, она тут же затянулась: мгновенно засыпалась благородной почвой, на которой начали расти самые прекрасные цветы, какие только можно себе представить. Я поняла, что моя жизнь обрела истинный смысл. Поверьте, ни карьера, ни общественное положение, ни влияние, ни богатство не наполняют жизнь смыслом так, как делает это материнство.

Я никогда не знала, сколько денег отдал Алестер врачам, которые только разводили руками, не понимая, в чем наша проблема, но, думаю, счет шел на десятки тысяч долларов. Мы мечтали о детях с самого начала нашей брачной жизни, и я, наконец-то, стала матерью. Я выполнила долг, возложенный на меня Господом, а посему стала бессмертной, ведь наше бессмертие заключается в наших детях.

Очень осторожно, стараясь не разбудить Патрисию, я наклонилась и поцеловала дочь в теплый лобик, а потом в задумчивости подошла к окну и оглядела задний двор, на котором царил тихая и теплая безветренная летняя ночь, залитая загадочным и сказочным светом мраморной Луны. Заवораживающая картина, на которую можно смотреть вечно. Я задержала взгляд на застывшей, словно спящей, дубовой роще, единой стеной чернеющей в отдалении, и треугольной крыше мавзолея – семейной усыпальнице Вудвардов, торжественно, немного зловеще торчащей в разрыве крон и отчетливо выделяющейся на фоне звездного неба.

Место, где лежат предки Алестера и где когда-то буду лежать я...

И вдруг...

Я услышала, как где-то в отдалении, со стороны рощи зарождается слабый скребущий звук, словно кто-то усиленно скоблит каким-то твердым предметом по асфальту или по поверхности каменной стены.

Или натирает наждачной бумагой грубую поверхность необработанной древесины.

Или точит нож о кусок кремня...

Немного удивившись, я повнимательней взгляделась в темноту и почти сразу увидела в роще какую-то человеческую фигуру, едва различимую во мраке. Почувствовав на спине легкие мурашки, я поближе прильнула к стеклу, все больше убеждаясь в том, что это не игра лунного света в тенях извилистых ветвей.

Сомнений быть не могло.

Мне не казалось это.

Возле могучего ствола одного из дубов, стоящего почти на краю рощи, отчетливо вырисовывалась женская фигура, повернутая в какие-то лохмотья. Я не видела ее лица, но совершенно точно, что голова женщины была направлена в мою сторону, а это значит, что она смотрела прямо на меня. От осознания этого немного закружилась голова, волосы на затылке пошевелил холодный ветер, и я инстинктивно отпрянула от окна, прячась в спасительном мраке комнаты.

Кто эта женщина?

И что делает в нашем саду?

Почему она следит за нашим домом?

Сердце бешено застучало в груди и первой мыслью было срочно разбудить Алестера, но...

А что, если я, все же, схожу с ума? Что, если это действительно всего лишь игра теней или, что еще хуже, продукт моего воспаленного воображения или какой-то прогрессирующей болезни? После рождения дочери с моей головой явно творился непорядок, вызванный постоянным переутомлением. Все началось с забывания элементарных вещей и частых потерях мыслей, а теперь дошло дело до галлюцинаций...

Решив не будить Алестера и не тревожить его понапрасну, я подумала о том, что самым верным решением будет выйти в сад и убедиться в том, что на территории поместья нет посторонних и это всего лишь игра ночных теней и воображение играют со мной злые шутки.

Осторожно, как мышь, я выскользнула из детской и, прикрыв за собой дверь, по темному коридору двинулась в сторону лестницы. Спустившись на первый этаж, я ненадолго задержалась у очень красивых напольных старинных часов с застывшим на них временем – без четверти девять. По рассказам Алестера, даже он не застал того времени, когда эти часы исправно работали, так как был еще слишком мал. Во времена его детства они располагались в рабочем кабинете между двумя книжными шкафами, и отец Алестера неодно-

кратно предпринимал попытки починить их, для чего нанимал лучших мастеров Нового Света, но безуспешно. Дойдя до без четверти девять, часы застывали вновь, ни разу не сумев преодолеть этот рубеж. Часовщики только лишь разводили руками, не понимая, что может быть причиной остановки механизма. В конце концов, потратив кучу денег и нервов, мистер Блэйк Вудвард оставил эту затею, заменил их на большие настенные часы, а эти с тех самых пор стояли в центральном зале недалеко от камина, словно музейный экспонат или, если выразаться правильно, семейная реликвия.

Вздохнув с сожалением к часам, я пересекла центральный зал и, стараясь ни на что не наткнуться в темноте, добралась до задней двери, которая была полностью идентична парадной за исключением того, что состояла всего лишь из одной створки.

И вдруг...

Я отчетливо услышала где-то за спиной звонкий короткий удар, как будто что-то металлическое с силой ударилось об пол. Замерев и затаив дыхание, я прислушалась.

Тишина.

Показалось? Я снова напрягла слух, но ничто не нарушало ночную идиллию спящего особняка. Ладно, подумала я, разберусь с этим завтра, а сейчас есть дела поважнее.

Повернув голову медного льва, чтобы отщелкнуть замок, я выскользнула на свежий воздух и почувствовала босыми ногами прохладу гранитного крыльца. Спустившись вниз и

ступив на влажный, коротко стриженный газон, я подняла глаза к небу и полной грудью вдохнула благоухание летних ночных ароматов. Обожаю июнь. Мир цветет, наполняя воздух теми бесподобными запахами, которых не почувешь ни в одном другом месяце года. Лето только началось и впереди еще много-много теплых дней...

Но, постойте...

Зачем я вышла из дома? Ведь не для того же, чтобы просто прогуляться под луной в одиночестве. Хотя, почему бы и нет? По-моему, это прекрасная идея. Я уставилась на темнеющую в отдалении рощу и призадумалась. И вдруг я снова услышала скрежет, шедший откуда-то из рощи.

Ах, да!

Вспомнила! Когда я смотрела на рощу из окна комнаты дочурки, мне показалось, что между дубов стоит какая-то женщина, одетая в рваные тряпки, и вышла из дома для того, чтобы убедиться в том, что в нашем саду нет посторонних. Я замерла, пристально всматриваясь между исполинскими размашистыми стволами.

Ни единого порыва ветра.

Ни шелеста листьев.

Ни единого намека на то, что кто-то может находиться здесь, кроме меня. Темные кроны словно были нарисованы передо мной или наклеены черной бумагой на темно-синий фон с вкраплениями звезд.

Никого.

Да и кому, собственно, взбредет в голову бродить по ночам среди дубов, да еще на территории чужой частной собственности, успокоившись, подумала я.

Но что же, все-таки, является источником этого странного скребущего звука, идущего откуда-то из рощи? Или мне это тоже кажется? Сглотнув в горле ком, я по усыпанной красной крошкой дорожке медленно двинулась навстречу спящим деревьям.

Оказавшись, наконец, под размашистыми кронами и дойдя до того места, где, как мне показалось, стояла непрошенная гостья, я убедилась, что в роще гораздо темнее, чем на поляне, хотя скрежет теперь звучал гораздо ближе и стал более настойчивым и сильным. Завороженно вглядываясь в темноту, я пыталась хоть что-то разглядеть в глубинах рощи, но эта затея оказалась бессмысленной: лунный свет был не в состоянии пробиться сквозь густую листву.

Что же там происходит?

Я осторожно двинулась дальше по дорожке, а звук, который постепенно становился все громче, подтверждал то, что я приближаюсь к его источнику. Наконец, деревья расступились в стороны и, глянув вперед, я замороженно посмотрела на представший перед моим взором мавзолей, который в красках ночи выглядел очень устрашающе, но самым странным было то, что скребущий звук шел словно изнутри его потемневших от времени каменных стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.